УДК 801.73

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-93-101

Финская тема в мемуарной и художественной прозе Ивана Савина

А. А. Хадынская

*Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Российская Федерация,
opus2000@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье рассматривается финская тема в мемуарной и художественной прозе Ивана Савина, представителя финской ветви русской литературной эмиграции первой волны.

Цель: рассмотреть творчество Ивана Савина на предмет изображения в нём финской темы в сопоставлении с мемуарными свидетельствами поэтов акмеистического круга (О. Мандельштам).

Материалы исследования: материалом послужили воспоминания и рассказы Ивана Савина, тематически связанные с образом Финляндии, демонстрирующие авторское видение «новой родины» эмигранта.

Результаты и научная новизна: выявлены основные факторы формирования финской темы у поэта, а именно: феномен финской эмиграции с учётом сложных исторически сложившихся взаимоотношений двух стран; опыт интерпретации финской темы у крупнейших представителей акмеизма, в частности О. Мандельштама; картиной мира самого Савина, которая сформировалась под воздействием как культурных, так и биографических факторов. Обозначенные моменты ещё не были предметом специального научного изучения.

Ключевые слова: Иван Савин, финская ветвь русской эмиграции, русская эмиграция первой волны, мемуарная проза, финская тема, образ Финляндии.

Для цитирования: Хадынская А. А. Финская тема в мемуарной и художественной прозе Ивана Савина // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 93–101.

Finnish theme in memoir and artistic prose of Ivan Savin

A. A. Khadynskaya

*Surgut State University,
Surgut, Russian Federation,
opus2000@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the Finnish theme in the in memoir and artistic prose of Ivan Savin, the representative of the Finnish branch of Russian literary emigration of the first wave.

Objective: to consider the creativity of Ivan Savin in the aspect of the image of the Finnish theme in comparison with the memoirs of poets of the acmeistic circle (O. Mandelstam).

Research materials: the memories and stories by Ivan Savin thematically related to the image of Finland, demonstrating the author's vision of the "new homeland" of the emigrant.

Results and novelty of the research: the main factors of the formation of the Finnish theme of the poet were identified, namely: the phenomenon of Finnish emigration taking into account the complex historical relations of the two countries; the experience of interpretation of the Finnish theme among the largest representatives of acmeism, in particular, O. Mandelstam; picture of the world of Savin himself, which was formed under the influence of both cultural and biographical factors. These aspects have not yet been the subjects of special scientific study.

Key words: Ivan Savin, Finnish branch of Russian emigration, Russian emigration of the first wave, memoir prose, Finnish theme, image of Finland.

For citation: Khadynskaya A. A. Finnish theme in memoir and artistic prose of Ivan Savin // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (1): 93–101.

Введение

Финская тема в прозаическом наследии Ивана Савина, одного из крупных представителей финской ветви русской эмиграции первой волны, уже рассматривалась в отечественном и зарубежном литературоведении, но, в целом, творчество представителей русской Финляндии редко удостоивается внимания эмигрантологов в силу меньшего масштаба явления по сравнению, например, с парижской эмиграцией, а также общей инерцией восприятия авторов как «второстепенных». Исследования принадлежат в основном к 90-м годам XX века, есть работы и начала XXI века, их объединяет рассмотрение творчества русских финляндцев в плане общей эмигрантской тематики, большей частью в историко-литературном контексте. Темира Пахмусс изучила жизнь русских в Финляндии в широком общем культурном контексте [19], её изыскания во многом были углублены Н. Башмаковой [15]. К вопросу финско-русских культурных связей исследователи обращались часто [5; 10; 12; 14; 17; 18], но тема эмиграции в этом ключе практически не рассматривалась, в числе редких работ такого рода последних лет назовём монографию Е. Г. Сойни «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века» (Москва, 2017), в которой типологические параллели в развитии двух литератур прослежены от момента их зарождения и до середины XX века, рассмотрены сложные отношения культур в связи с меняющейся исторической обстановкой, кроме того, в научный оборот вводится уникальный материал, обнаруженный автором при работе в архивах Финляндии и России. Эмигрантскому творчеству в монографии уделены две главы, соответственно прозе и поэзии; среди интересующих нас поэтов анализируется Вера Булич, Вадим Гарднер и Иван Савин. Исследовательница рассматривает репрезентативные «финские тексты» указанных авторов с позиции отражения в них отношения к новой родине, такого разного у каждого из них [11]. Вообще, работ, касающихся собственно поэтики произведений представителей русской Финляндии крайне мало, среди трудов по творчеству Ивана Савина назовём лишь кандидатскую диссертацию М. Е. Крош-

невой, посвящённую его творческому пути (Ульяновск, 2005) [3]. Исследовательницей также подготовлена публикация стихотворного, прозаического и мемуарного наследия Ивана Савина с учётом новых материалов, впервые вводящихся в научный оборот [7]. Отметим главу «Финская тропа в русском рассеянии» из книги «Пути и лица. О русской литературе XX века» (2008) А. И. Чагина, где автор также обращается к творчеству В. Булич, В. Гарднера и И. Савина, но лишь обзорно, обозначая генеральные темы их лирики [13].

Своеобразие восприятия Иваном Савиным северной страны связано как с историческими причинами (выход Финляндии из состава Российской империи в 1917 году), так и с личными (его эмиграцией в эту страну во взрослом возрасте, что сильно затруднило адаптацию). Таким образом, нам представляется важным выявить специфику финской темы в прозаическом наследии Савина в связи с его принадлежностью к эмигрантской литературе первой волны, отличающейся повышенным «граду-сом» ностальгии и драматизма в восприятии родины.

Материалы и методы

Материалом послужил опубликованный на данный момент прозаический корпус текстов Ивана Савина в аспекте отражения в нём финской тематики. К анализу также были привлечены очерки О. Мандельштама о Финляндии, в которых автор отразил своё отношение к северной окраине России на рубеже XIX–XX веков.

Методология исследования основана на интерпретации художественных текстов с опорой на теоретико-литературоведческие понятия (литературная традиция, мемуарная проза и пр.). Использовался также сравнительно-исторический метод применительно к анализу текстов, типологически близких, но имеющих временную дистанцию.

Результаты

В нашем исследовании мы проследили предпосылки появления финской темы в творчестве Ивана Савина, обусловленные несколькими факторами. Одним из таких факторов

следует считать сам феномен финской эмиграции. Для понимания жизни русской диаспоры в Финляндии, а также важности финской темы в лирике эмигрантов в целом и И. Савина в частности, необходимо сделать краткий исторический экскурс. Русско-финские связи складывались веками, огромную роль в них сыграл тот факт, что Финляндия была территорией Российской империи с 1809 по 1917 год; по условиям Фридрихсгамского мира между Наполеоном и Александром I финская территория отошла России и получила статус Великого княжества Финляндского с правами автономии, но управлялась при этом российским монархом. Финны сохранили лютеранскую веру, Сенат как собственное правительство, Гельсингфорс стал столицей, туда был переведён университет. Россия видела в Финляндии форпост для защиты своих северных рубежей, активно развивала там пищевую и бумажную промышленность, формировались и культурные связи. Вместе с тем, росло и национальное самосознание финских граждан: в начале XX века было создано выборное правительство, страна «созрела» для отделения от Империи. Революция 1917 года в России позволила финнам обрести независимость, в 1919 году она была закреплена законодательно (была создана республика во главе с президентом). Западные страны, особенно Германия, помогли Финляндии укрепиться экономически. Не избежали финны и недолгой гражданской войны, спровоцированной появлением в стране социалистов, поддерживаемых советским правительством. Но, в результате, Финляндия выбрала западный путь развития, и отношения с российской стороной значительно усложнились (Зимняя война 1939–1940 гг., участие на стороне Германии во Второй мировой войне). Несмотря на многолетнюю «включённость» Финляндии в жизнь и экономику России, страна всегда тяготела к западным соседям, хотя с нашей страной её связывает Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключённый ещё во времена СССР. Таким образом, Финляндия, взяв курс на «выгодную дружбу», сумела сохранить добрые отношения как с западными странами, так и с Россией.

В отличие от политического и экономического, культурное сотрудничество между Россией и Финляндией никогда не прекращалось; наши страны, благодаря тесному географическому соседству и принадлежности к «северному типу

ментальности», имеют очень много общего в языке и культуре. Финляндия всегда обладала для русских особой культурной притягательностью, нас и по сей день привлекает суровая нордическая красота её природы, волшебные сюжеты Калевалы и своеобразие творчества финских писателей, музыкантов и художников. Исследователь Отто Флорис Буле, например, отмечает серьёзное влияние северной темы на лирику русского романтизма [16]. «Тяга» к финской культуре особенно проявилась в начале XX века, что вполне отвечало исканиям Серебряного века, ориентированного на диалог культур. Е. Г. Сойни пишет, что «...обращение к образу Финляндии, финляндскому пейзажу, финской мифологии значило для русских поэтов начала XX века проникновение в глубину древней праславянской памяти. Финляндия для русской поэзии была «тайной тайн», землёй сказок, добрых и страшных, код которых не поддаётся разгадке» [11, 22]. Известен тот факт, что образование общества художников «Мир искусства» было во многом откликом на творчество финна Аксели Галлен-Каллела, работавшего в стиле модерн и создавшего знаменитые иллюстрации к Калевале. Особенно привлекательна была Финляндия для русских акмеистов, воплощавших в своём творчестве «тоску по мировой культуре». Акмеизм был, как известно, по преимуществу петербургским явлением, и, при всей его открытости миру и общей культурной восприимчивости, к Финляндии испытывал особую тягу, что было объяснимо: многие петербуржцы часто ездили в Финляндию, имели там дачи на Карельском перешейке (и не только), она воспринималась как особое культурное место «русского оссианизма», где макферсоновские пейзажи можно было увидеть воочию и вдохновиться ими.

Ещё одним фактором формирования акмеистических установок Ивана Савина следует считать родившийся у мэтров акмеизма образ Финляндии, который был поэтом усвоен как образцовый в контексте петербургской поэтики. Но не менее интересным видится воплощение финской темы в прозаическом наследии акмеистов, которое тесно связано с поэтическим. Среди акмеистов самые репрезентативные прозаические тексты, касающиеся рассматриваемой темы, мы находим у О. Мандельштама, в которых образ Финляндии явился логическим отражением личного

биографического факта пребывания поэта на этой территории в пору своего детства и юности. В очерке «Финляндия» О. Мандельштам отразил особую атмосферу каникул в Финляндии, зимой в Выборге, летом на даче в Териоках, называя жителя северной русской окраины «близким сердцу петербуржца домашним иностранцем, холодным финном»; по его словам, дореволюционный Петербург «дышал Финляндией», и он «всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца, и что сюда ездили додумать то, что нельзя было додумать в Петербурге...» [4, 62].

Следующим фактором, объясняющим авторскую интерпретацию Финляндии в творчестве, можно считать биографию самого Ивана Савина (1899 – 1927). Считаем нужным изложить некоторые её моменты, слабо известные отечественному читателю. Судьба Савина, одного из ярких представителей финской ветви русской литературной эмиграции, во многом предрешённая его жизненной позицией и воспитанием, отразила трагедию русского народа начала XX века – периода слома исторических эпох. Иван Иванович Саволайнен (настоящее имя поэта) имел финские корни по отцу и греческие по матери. Его дед, Йохан Саволайнен, финский моряк, попал в причерноморские земли, там осел и взял в жены русскую гречанку: так у поэта появились северные и южные генетические ветви. В дальнейшем жизнь поведёт его «дорогами родственной крови»: до 1921 года продлился его «южный период», далее последует эмиграция в Финляндию, на северную родину предков. Его матерью была Анна Волик-Отян, молдаванка, вышедшая замуж за отца поэта, будучи вдовой с пятью детьми; в новом браке родилось ещё трое, в том числе и будущий поэт, причём все дети были очень дружны и родственно привязаны друг к другу. Иван родился в Одессе, детство прошло в городе Зенькове Полтавской губернии, там он окончил гимназию, позже стал студентом Харьковского императорского университета, но с началом войны ушёл в кавалерию к Деникину, воевал за белых на Кубани, Дону и в Крыму. В горниле революции и Гражданской войны погибла большая часть семьи, сам Иван, в 1920 году заболев тифом, попал в плен к красноармейцам. В Джанкойском лагере он сжёг свои документы, представился полковым писарем и тем самым избежал

смерти. Отец Ивана, по профессии нотариус, имея финское гражданство, мог беспрепятственно уехать на историческую родину, что он и сделал после развода с матерью поэта. В 1922 году к отцу переехал Иван. На новом месте будущий поэт занимался сначала тяжёлым физическим трудом, работал на сахарном заводе, но поэтический дар властно напоминал о себе, и Иван Савин начал активно печататься во многих изданиях русского зарубежья, снискав славу поэта Гражданской войны, «белого витезя». Писал Савин только по-русски, по свидетельству современников, финского языка он не знал. В Финляндии Савин вошёл в круг русской эмиграции, был хорошо знаком с И. Е. Репиным, часто ездил к нему в «Пенаты». На новой родине он встретился со своей будущей женой, Любовью Соловьёвой, дочерью полковника 1-го Финляндского стрелкового полка. Любовь Савина-Соловьёва, очень гордившаяся своим русским происхождением, окончившая в Гельсингфорсе Александровскую гимназию, стала его музой и другом до конца его дней. В подтверждение этому читаем в её воспоминаниях: «Я была не только женой Ивана Савина, я была его другом, секретарём и переводчицей. Я присутствовала при рождении его стихов, знала их полуродившимися» [8, 3]. К слову, прежняя русская любовь в своё время нанесла поэту глубокую сердечную рану – девушка вышла замуж на большевика, несмотря на то, что её отец пал жертвой новой власти. Умер Иван Савин от последствий неудачной операции по удалению аппендикса, похоронен на православном Ильинском кладбище в Хельсинки, на его надгробии высечены слова из его же стихотворения, посвящённого убитым на Гражданской войне братьям: «Всех убиенных сохрани, Россия, / Егда приидеши во царствие Твоё!».

За свою недолгую творческую жизнь Савин издал более ста произведений, продемонстрировавших его подлинный талант: он оставил после себя стихи, прозу, публицистику, две пьесы («Служитель муз» и «Молодость»), которым суждено было быть поставленными на эмигрантской сцене. Его печатали крупнейшие журналы русского зарубежья: «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига), «Возрождение» (Париж). Его жена, Любовь Савина (во втором браке Сулимовская), пережила мужа на 70 лет, окончила свои дни в США, но

делом всей своей жизни посчитала выпуск творческого наследия мужа – книгу «Только одна жизнь» (Нью-Йорк, 1988) [9], рецензия на которую была написана известным исследователем литературы эмиграции В. Крейдом [2].

Очевидно, что дарование Ивана Савина признали в кругу русской эмиграции ещё при жизни, и его безвременная кончина осознавалась многими как невосполнимая утрата. В посвящённом поэту некрологе И. А. Бунин, скупой на похвалы, особенно для собратьев-эмигрантов, написал проникновенные слова о нём, назвав его вклад «незабвенной страницей в русской литературе», из-за их «полной своеобразности» и особой «красоты и силы» [1].

Творчество Ивана Савина рассматривается критиками и исследователями преимущественно в религиозном контексте (эта ориентация у него очевидна), а также в плане отражения в нём трагических событий Гражданской войны. Современники называли его «белым витязем», «белым воином», «поэтом белой мечты», «рыцарем белой идеи», что сомнения, безусловно, не вызывает и подтверждается как его поэзией и прозой, так и обширной публицистикой. Но, помимо этой тематической «определённости», творчество Савина отражает и не менее важный процесс – ту самую литературную преемственность диаспоры и по отношению к метрополии.

Образ Финляндии у Савина дан, как и у других авторов финской эмиграции, в сопоставлении с Россией (например, см. о финской теме у В. Булич нашу статью [12]). В очерке «Русские в Финляндии» он пишет о россиянах, ставших эмигрантами по разным причинам (оставшихся на дачах на Карельском перешейке, сбежавших от советской власти и пр.), но находящихся в равном нищем положении беженцев эмигрантском сообществе. Особенно в тяжёлом положении оказались старики и дети, о них Савин пишет, что «финское правительство посильно идёт на помощь этой категории эмигрантов, посильно одевает и кормит их. Русские общественные организации в Финляндии со своей стороны энергично собирают одежду и продукты для Выборгского района». Но далее Савин задаёт риторический вопрос: «... может ли небольшая страна, обязанная, к тому же, помогать тысячам бежавших от советских преследований карелам и ингер-

манландцам, включать в свой бюджет значительную сумму на помощь русским?» [6, 336].

В воспоминаниях Савина обнаруживается прямое противопоставление мемуарным свидетельствам О. Мандельштама (упоминавшийся выше очерк «Финляндия» из «Шума времени»). У Мандельштама образ северной страны полон жизни, насыщен положительными эмоциями, связанными с детскими воспоминаниями: праздники в летних Териоках, утомительный бег в мешках и с сырыми яйцами в ложках, корова как главный приз в лотерее – автор признаётся, что он любил эту страну, с её степенными жителями, не без легкой иронии утверждая, что там «все женщины безукоризненные прачки, а извозчики похожи на сенаторов» [4, 62]; кондитерская Фацера в Выборге манила «ванильным печеньем и шоколадом», и за синими окнами слышался «санный скрип и беготня бубенчиков» [4, 63]. В противовес Мандельштаму облик Териок у Савина отличается запустением и заброшенностью, в нём чувствуется дыхание смерти, перед нами взгляд эмигранта, ещё помнящего «былое великолепие»: «Ещё совсем недавно – что десять лет по сравнению с вечностью! – Териоки занимали не последнее место в плее близких к Питеру курортов. Иные годы здесь бывал «весь летний Петербург». Это было давно... Окружающие Териоки пустые дачи не помнят, когда это было...<...> Кладбищенский вид Териоки ещё разительнее, когда располагаешь временем погрузиться с головой в эту могильную тишину. Чем дальше в лес – тем больше разрушенных дач. Чем ближе к реке Сестре – границе между Финляндией и «бывшей» Россией, – тем ужаснее, трагичнее это мёртвое царство. Просто оторопеть берёт, когда встречаешь на пути бесконечные, бесконечные ряды когда-то населённых, шумных, полных смеха, пения и детских криков дач». [6, 273]. И, что особенно горько автору, трагическая участь настигла и русскую литературу, что воспринимается как апокалиптический знак: «По-видимому, неожиданные посетители куоккальских и оллильских дач считали русскую литературу главным своим врагом: всюду обрывки книг без переплётов, переплёты без книг, обложки журналов, разноцветные куски бумаги. Всё это истоптано грязными сапогами, иногда полуобожжено. В последние годы пастухи редких стад коров завершили это горькое «аутодафе»: несчастная русская

литература полетела в костры. А до того – все комнаты всех дач, все сады, дворики и рощи были усыпаны растерзанными Пушкиными и Гоголями. Погибло много ценных библиотек» [6, 274].

Упоминается у Савина и фабрикант Фацер, но совершенно в ином, социальном контексте: «Крупнейшая конфетная фабрика Фацера до последнего времени почти исключительно состояла из русских; к сожалению, это возбудило протест со стороны финских рабочих, и многим русским пришлось уйти» [6, 337].

Русские в Финляндии до 1917 года не чувствовали себя чужими, теперь же ситуация изменилась. Поднявшись на одну из полуразвалившихся смотровых вышек, можно увидеть за пограничной чертой родину, на том берегу Сестры-реки, и дойти туда можно вброд в некоторых местах, но советская отчизна не принимает изгнанников, и поэтому, как пишет Савин, «... непередаваемо тяжело слышать, видеть Россию – такую близкую – всего три шага – там, за зелёными фуражками...» [6, 276]. Ностальгическая тональность, свойственная всем авторам первой волны эмиграции, диктует Савину «ретроспективно-эпическую» оценку событий: раньше было лучше, но свою Россию нельзя вернуть, как нельзя обратить время вспять. И, находясь на положении «нелюбимых детей мачехи-Финляндии», бедный эмигрант только и может, что вспоминать о былом. В традиционном письме на Новый год (Савин писал их много лет до самой смерти), за полгода до собственной кончины, он написал, что не желает нового года и нового счастья, что «в глянцевого картоне карточек я только что зачеркнул это «с Новым годом», с новой верой и мольбой к Богу подписал над ним: «Со старыми годами! Со старым счастьем!...» А завтра у тёмного образа скажу светло и просто:

– Боже, нам уже не надо ни нового года, ни нового счастья. Нехорошее это... новое. Господи! Успокой нас, Боже, труждающихся и обременённых, великой и богатой милостыней — старыми годами...» [6, 218].

Савин с горечью констатирует недоверие и порой даже враждебность финского населения к оставшимся в эмиграции россиянам, ассимиляция оказывается невозможной в принципе по обоюдной причине. В автобиографическом рассказе «Ромашки» герой пересказывает свой диалог с медсестрой-финкой по имени Айя, красивой и строгой девушкой, очень интересую-

щейся Россией; для неё она опасная страна, где «люди такие злые», она с трудом верит, что там растут такие же ромашки, «белые с золотыми сердечками». Айя, никогда не бывавшая в России и практически не общавшаяся с русскими, тем не менее выносит вердикт: «Какие вы все сухие, тощие... как ромашка... И Россия ваша – ромашка, вся высохла. И вы сами, и невеста ваша, и все русские – ромашки сухие, больше ничего». Герой не винит Айю в несправедливой оценке обывателя, поддавшегося русофобской пропаганде, и, страдающий гнетущей ностальгией, по личной причине соглашается с её словами: «Как много неожиданной правды в простых словах простой девушки! Сухие ромашки мы... Россия – вся высохла... Жалкие, никому не нужные цветы... Мы – для гербария, для странной и страшной коллекции: цветы с высохших полей... Люди без Родины...» [6, 277–278]. В очерке «Моему внуку. Завещание» Савин, обращаясь к воображаемому потомку, пишет о горькой судьбе эмигранта, выводя ситуацию изгнания на уровень экзистенциального переживания, и, собственно, в вину Финляндии это уже не ставится, ибо после революции она перестала быть российской землёй, сравнившись в этом смысле с другими странами русского рассеяния: «Тебе, пронизанному жизнью, солнцем, уютом семьи и родины, тебе трудно представить, что значит бродить по чужим дворам, никогда не смеяться, душу свою, живую, человечью душу, вколачивать в тиски медленной смерти. Как же нарисую тебе протянутое по всему миру полотно, вышитое нашими нервами?» [6, 281–282].

Обсуждение и заключение

Финская тема в творчестве Ивана Савина сформировалась под влиянием нескольких факторов: самого феномена финской эмиграции, опыта интерпретации образа Финляндии в творчестве поэтов акмеистической направленности в метрополии (в частности, О. Мандельштама) и биографии самого Савина, полной драматических и даже трагических моментов. Финская тема в мемуарном и прозаическом наследии Ивана Савина являет свою многогранность и широкую историческую перспективу. В то же время эмигрантский контекст выводит эту тему на экзистенциальный уровень, во многом лишая страну национальных черт и маркируя её как чужое

пространство, оставляющее героя на её границе. Амбивалентное чувство эмигранта к новой родине, балансирующее между желанием принять её и невозможностью отыскать на чуждых просторах привычные русские ментальные константы обостряет у героя чувство ностальгии, отрыва от родной культурной по-

чвы, являющейся для носителя русского культурного сознания первостепенным условием творчества.

Видится целесообразным дальнейшее изучение творчества представителей финской ветви русской эмиграции на предмет отражения в них финской тематики.

Список источников и литературы

1. Бунин И. А. Наш поэт. Некролог // Возрождение. 1927. 4 августа. № 793. С. 3.
2. Крейд В. Иван Савин. Только одна жизнь (рецензия) // Новый журнал. 1988. Кн. 171. С. 295–299.
3. Крошнева М. Е. Творческая судьба Ивана Савина (1899–1927): автореф. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. 24 с.
4. Мандельштам О. Собрание сочинений в 4-х томах / под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 2. 730 с.
5. Маташина И. С. Восприятие творчества Ф. М. Достоевского в шведоязычной литературе Финляндии XX века // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» (Петрозаводск, 1–2 октября 2015 года). Петрозаводск: [б.и.], 2016. С. 196–198. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/124973-6-materiali-nauchnoy-konferencii-bubrihovskie-chteniya-gumanitarnie-nauki-evropeyskom-severe-petrozavodsk-1-2-oktyabrya-201.php> (дата обращения: 29.12.2018).
6. Савин И. «Всех убиенных помяни, Россия...». Стихи и проза / Предисл., сост., подгот. текста и примеч. Э. А. Каркконен, Д. В. Кузнецова, В. В. Леонидова. М.: Грифон, 2007. 424 с.
7. Савин И. Избранное: Стихотворения, проза, драма, литературная критика, публицистика / ред.-сост., авт. вступ. ст. М. Е. Крошнева. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 103 с.
8. Савин И. Проза // Финляндские тетради. Хельсинки: Институт России и Восточной Европы, 2005. Вып. 6. 52 с.
9. Савин И. Только одна жизнь 1922–1927 / Под ред. Людмилы Савиной-Сулимовской. Нью-Йорк: [б.и.], 1988. 200 с.
10. Сойни Е. Г. Взгляд на Россию в поэзии Финляндии XX века // «Своё» и «чужое» в культуре. Материалы XI Международной научной конференции Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 150–152.
11. Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 464 с.
12. Хадынская А. А. Образы России и Финляндии в сборнике Веры Булич «Бурелом» // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 76–83.
13. Чагин А. И. Финская тропа в русском рассеянии // Пути и лица. О русской литературе XX века / А. И. Чагин. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 332–340.
14. V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» / Отв. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен. Петрозаводск: [б.и.], 2014. 655 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pjataja/text.pdf> (дата обращения: 29.12.2008).
15. Baschmakoff N., Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939: a local and oral history. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001. 485 p. (Серия «Studia Slavica Finlandensia», Т. 18).
16. Boele O. North in Russian romantic literature. Amsterdam; Atlanta: Rodopi Bv Editions, 1996. 303 p. (Серия «Studies in Slavic literature and poetics», Т. XXVI).
17. Bykling L. Московский художественный театр и финские театральные деятели в начале XX века // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: Venajan ja Ita-Euroopan inst, 1987, Vol. IV. 211 p.
18. Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1991. Vol. IV. pp. 27–97.
19. Pachmus T. Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland. New York: Peterland Publishing, 1992. 300 p.

References

1. Bunin I. A. *Nash poet. Nekrolog* [Our poet. Obituary]. *Vozrozhdenie* [Revival], 1927, August 04, no. 793, p. 3. (In Russian)
2. Kreyd V. *Ivan Savin. Tol'ko odna zhizn' (retsenziya)* [Ivan Savin. Only one life (review)]. *Novyy zhurnal* [New journal], 1988, vol. 171, pp. 295–299. (In Russian)
3. Kroshneva M. E. *Tvorcheskaya sud'ba Ivana Savina (1899–1927)* [Creative fate of Ivan Savin (1899–1927)]. Ulyanovsk, 2005. 24 p. (In Russian)
4. Mandelshtam O. *Sobranie sochineniy v 4-kh tomakh* [Collected works in 4 volumes]. Ed. by G. P. Struve, B. A. Filippova. Moscow: TERRA Publ., 1991. Vol. 2. 730 p. (In Russian)
5. Matashina I. S. *Vospriyatie tvorchestva F.M. Dostoevskogo v shvedoyazychnoy literature Finlyandii XX veka* [Perception of the creativity of F. M. Dostoevsky in Swedish literature of Finland of the XX century]. *Materialy nauchnoy konferentsii «Bubrikhovskie chteniya: humanitarnye nauki na Evropeyskom Severe» (Petrozavodsk, 1–2 oktyabrya 2015 goda)* [Proceedings of the scientific conference «Bubrikhov's Readings: the humanities in the European North» (Petrozavodsk, October 01–02, 2015)]. Petrozavodsk: [w/p], 2016. pp. 194–196. Available at: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/124973-6-materiali-nauchnoy-konferencii-bubrikhovskie-chteniya-gumanitarnie-nauki-evropeyskom-severe-petrozavodsk-1-2-oktyabrya-201.php>. (accessed December 29, 2018). (In Russian)
6. Savin I. *«Vsekh ubiennykh pomyani, Rossiya...»*. *Stikhi i proza* [«Remember all the victims, Russia ...». Poems and prose]. Moscow: Grifon Publ., 2007. 424 p. (In Russian)
7. Savin I. *Izbrannoe: Stikhotvoreniya, proza, drama, literaturnaya kritika, publitsistika* [Selected works: Poems, prose, drama, literary criticism, journalism]. Ulyanovsk: UIGTU Publ., 2006. 103 p. (In Russian)
8. Savin I. *Proza* [Prose]. *Finlyandskie tetrady* [Finnish notebooks]. Helsinki: Institut Rossii i Vostochnoy Evropy Publ., 2005. Vol. 6. 52 p. (In Russian)
9. Savin I. *Tol'ko odna zhizn' 1922–1927* [Only one life 1922–1927]. Ed. by L. Savina-Sulimovskaya. New-York: [w/p], 1988. 200 p. (In Russian)
10. Soyni E. G. *Vzglyad na Rossiyu v poezii Finlyandii XX veka* [A look at Russia in the poetry of Finland in XX century]. *«Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [«Us» and «them» in culture. Materials of the XI International scientific conference of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2017. pp. 150–152. (In Russian)
11. Soyni E. G. *Vzaimoproniknovenie russkoy i finskoy literatury v pervoy polovine XX veka* [Interpenetration of Russian and Finnish literature in the first half of the XX century]. Moscow: Izd. Dom YaSK Publ., 2017. 464 p. (In Russian)
12. Khadynskaya A. A. *Obrazy Rossii i Finlyandii v sbornike Very Bulich «Burelom»* [Images of Russia and Finland in the collection of Vera Bulich «Windbreak»]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 2 (25), pp. 76–83. (In Russian)
13. Chagin A. I. *Finskaya tropa v russkom rasseyanii* [Finnish trail in Russian scattering]. *Puti i litsa. O russkoy literature XX veka* [Ways and faces. About Russian literature of the XX century]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2008. pp. 332–340. (In Russian)
14. *V Vserossiyskaya konferentsiya finno-ugrovedov «Finno-ugorskiye yazyki i kultury v sotsiokulturnom landshafte Rossii»* [Proceedings of the V All-Russian conference of Finno-Ugric scholars «Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia»]. Ed. by N. G. Zaytseva, I. I. Mullonen. Petrozavodsk: [w/p], 2014. 655 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/pjataja/text.pdf>. (accessed December 29, 2018). (In Russian)
15. Baschmakoff N., Leinonen M. *Russian life in Finland 1917–1939. A local and oral history*. Helsinki, Institute for Russian and East European Studies, 2001. 485 p. (Series title «Studia Slavica Finlandensia», vol. XVIII). (In English)
16. Boele O. *North in Russian romantic literature*. Amsterdam; Atlanta, 1996. 303 p. (In English) (Series: Studies in Slavic literature and poetics, vol. XXVI). (In English)
17. Bykling L. *Moscow Art Theater and Finnish theater workers at the beginning of the 20th century. Studia Slavica Finlandensia*, 2001, vol. IV, 211 p. (In English)

18. Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland. *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1991, vol. IV, pp. 27–97. (In English)

19. Pachmus T. *Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland*. New-York: Peterland Publishing, 1992. 300 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Хадынская Александра Анатольевна, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет (628412, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, проспект Ленина, 1), кандидат филологических наук.

ORCID ID: 0000-0001-9642-1798

opus2000@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Khadynskaya Alexandra Anatolyevna, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University (628412, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, Lenin prosp., 1), Candidate of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0001-9642-1798

opus2000@mail.ru